

- У меня была маленькая язвочка, которая вскочила в очень неудобном месте. Я не знал, что, выходя из сердца, главная аорта делится на две, тоже большие. Одна идет прямо в желудок, а вторая - по организму... В общем, благодаря этой язвочке сердце мое стало выкачивать кровь прямо в желудок. Сначала замутило, гастроскоп мне там совали... Потом всего в крови повезли в операционную. Но о том, что я два раза умираю, я узнал только через неделю. Сердце останавливалось - нечего уже было качать. Хирург сказал: его счастье, что сердце сильнос. Первый раз он мне его запустил просто ударом кулака, а второй раз я уже был подключен к каким-то электроорганам. И ничего, никаких туннелей не было... Я слабый очень был. Ну если без заморозки режут, вену вынимают и впихивают туда иглу...

- Как - без заморозки?!

- Да некогда было. Смотрю - колют. Потом какую-то струну в пах - боль дикая. А я весь в крови - когда гастроскоп совали, я его выдергивал. И маску надевают, я у немца спрашиваю: наркоз? Наркоз, отвечает, наркоз. Скорей, думаю, провалиться в эту яму - и начал вдыхать, вдыхать... Потом уже, через неделю, переводчик сказал, что было две клинические смерти.

- Тебе столько раз приходилось умирать на сцене и на экране...

- Да уж... Гамлет - умираю. Ланцелот тоже как бы умирает в первой части. В "Мольере" умираю. Меркуцио играю - умираю. Да сколько ж можно...

- Так вот, ты, когда смерть играешь, что такое пытаешься себе представить? Систему Станиславского применяешь?

- Я боюсь, что если ее в таких случаях регулярно применять, то действительно можно... остановиться. Все зависит от того, какая смерть. Такая... наиболее сильная, где экстрасенсорика включается, - в "Мольере". Но я не в сердце ставлю "точку", а ниже: если я уже 200 таких самогилнозов провел - каждый по 4-5 минут - может, действительно этим и навредил себе, кто его знает... Да вы не стесняйтесь, спрашивайте дальше, как говорится у нас в одном спектакле: смерть - вещь обыкновенная. Каждый через это проходит.

- А сам ты о смерти задумывался когда-нибудь?

- Конечно. Этот вопрос - для чего мы вообще и что будет дальше - меня мучил долго. Я нашел экстрасенсов, когда они еще в опале были, мне показали первую методу, начал пробовать... Я в детстве очень смерти боялся. Года в три - в четыре. Плакал при мысли, что когда-то я умру.

Смерть - вещь обыкновенная

Виктору АВИЛОВУ приходится умирать раз 5 или 6 в месяц - на сцене Театра на Юго-Западе. Не считая съемок в кино, где его герои - начинающая с первого же "Господина оформителя" и заканчивая жутким чекистом в "Волчьей крови" - тоже к этому весьма склонны. Не так давно в городе Берлине Виктор умирал два раза за неделю - не на сцене и не в кино. По-настоящему.

- А сейчас не боишься?

- Ну, кто ее совсем уж не боится... Побавоюсь. А иногда даже интересно. Потому что я уже окончательно уверен в том, что дальше что-то есть - не может все так глупо быть устроено в природе. И сам этот переход из одного состояния в другое мне интересен. Я даже предполагал, чем я там займусь.

- В какой роли тебе сложнее всего умирать?

- Вообще-то умирать несложно (смешок). Но самый выстроенный чисто мизансценически процесс умирания - в "Мольере". Я видел "Мольера" в "Современнике" - там у них странно это построено. На переднем плане прыгают актеры, якобы продолжают играть. А там где-то, сзади, Мольер брык - и окочурился. Его не видно. А у нас наоборот - я один остаюсь в луче света. И так хорошо эта пьеса написана, что я с залом общаюсь так, будто я действительно умираю. И зал начинает шизеть. И потом гаснет свет, актриса выходит, говорит: все, разъезд, господа. Спектакль больше продолжаться не может. Господин Мольер умер. И когда в зале зажигают свет, люди почти всегда сидят в слезах. Было даже такое, что после спектакля ко мне кто-нибудь поднимется: "Вить, спустись вниз, покажись, что ты живой, а то там с женщиной истерика". А одна - тоже вот так, по осени, по холоду - без плаща ушла и дошла до самого метро.

- А техника какая-то существует, как смерти играть?

- У каждого своя. Упасть и замереть - вообще-то, вот и вся техника.

- Стало быть, дело в том, насколько глубоко не боишься в это входить?

- Я вообще-то не боялся никогда, мне и в голову не приходило. Есть великая фраза в "Гамлете": "Рок довершил, что Бог судил". Хотя ты 300 раз умирай, хоть не умирай ни разу - если тебе отпущено 80 лет, так и будешь 80 лет шкандыбать. А у нас говорят: кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Я в этом смысле фаталист, думаю, там все решено...

- А насильственная сценическая смерть отличается как-то от естественной?

- Да в принципе нет. У каждого автора написан монолог, где ты перед смертью должен что-то сказать.

- В этом монологе ты готовишь больше зрителя или себя?

- Зрителя. Когда себя - это онанизм. Ты не для себя выходишь на сцену. Я пытаюсь залу дать понять: сейчас я умру. Не то что: вы смотрите, а я буду корячиться. Нет. Тут нужно у них на глазах начать умирать, чтобы у них все выворачивалось, чтобы им было больно...

- То есть твоя задача как актера - не умереть в этой сцене самому, но сделать так, чтобы в это безоговорочно поверили другие...

- Да. Я им внушаю: пусть у вас душа стынет, я умираю, вы смотрите, как мне больно, как у меня сердце останавливается...

- Поэтому ты и выходишь легко из этого состояния...

- Да, вот мы вместе сейчас докопались до сути.

- Так все-таки, смерти надо бояться?

- Нет. Не надо. А то страшно жить будет.

Юрий ЗУБЦОВ, Владимир МАРТЫНОВ

Фой-форум: прбл. к "Аргументам и фактам".